

УДК 94(5)

ФРАГМЕНТАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РЫНКА РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа материалов двух крупных социологических форумов, проведенных в России в конце 2016 г., автор размышляет о состоянии современного рынка идей, развиваемых социологами, которые принадлежат к разным сегментам многообразного социологического поля России. Дана краткая характеристика основным группам, представленным в современной социологии России. Группы выделены по критерию репрезентации четырех типов социологического знания по классификации М. Буравого. Раскрыты основные достижения каждой из них. Фрагментация представлена как важная черта современного состояния этого социологического поля. Показаны исторические корни и универсальная природа фрагментации производства социологического знания. В качестве актуального примера проявления фрагментации социологического знания представлена социология образования. Делается вывод о том, что фрагментация может способствовать процессу интеграции российской социологии в международное социологическое сообщество.

Ключевые слова: социологический рынок; Россия; фрагментация производства социологического знания; теоретическая социология; эмпирическая социология; социология образования.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке БРФФИ, грант Г17АРМ-017.

Образец цитирования:

Титаренко Л. Г. Фрагментация социологического рынка России: размышления и выводы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 32–40.

For citation:

Titarenko L. G. Fragmentation of sociological market in Russia: thoughts and conclusions. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 32–40 (in Russ.).

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larisa Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
larisa166@mail.ru

FRAGMENTATION OF SOCIOLOGICAL MARKET IN RUSSIA: THOUGHTS AND CONCLUSIONS

L. G. TITARENKO^a

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

On the basis of the analysis of two large sociological events that took place in Russia in the end of 2016 the author reflects on the state of the modern «market» of ideas developed by sociologists belonging to different segments of the multiform sociological field in Russia. The article gives a brief description of the main groups, represented in Russian modern sociology, singled out by the criterion of representation of four types of sociological knowledge according to M. Burawoy's classification. The main achievements of each selected group are revealed. Fragmentation is presented as an important feature of the current state of this sociological field. The historical roots and the universal nature of the fragmentation of the production of sociological knowledge are shown. Sociology of education is presented as an actual example of the manifestation of fragmentation of sociological knowledge. It is concluded that fragmentation can contribute to the process of integration of Russian sociology into the international sociological community.

Key words: sociological market; Russia; fragmentation of the production of sociological knowledge; theoretical sociology; empirical sociology; sociology of education.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of BRFRF (grant Г17APM-017).

Эта статья – результат авторского осмысления двух крупных мероприятий: V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.), организованного Российским обществом социологов (РОС), и Международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке. К 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского» (г. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2016 г.). Оба события в социологическом мире России были довольно содержательными, привлекли большое число специалистов со всей страны и гостей из зарубежных стран (на съезде было представлено около тысячи человек, на конференции – несколько сотен) и послужили поводом к анализу нынешнего состояния российской социологии. Кратко резюмируя результаты размышлений, скажем: судя по разнообразной тематике, теоретическому и эмпирическому разбросу выступлений и наличию разных по своему уровню научных исследований на российском социологическом поле, а также довольно непростым (иногда непримиримым) взаимоотношениям членов этого поля, социология в России была и остается фрагментированной, разграниченной глубокими «водоразделами» между ее основными игроками (сегментами социологического рынка).

Данная черта российской социологии анализировалась не единожды в разных теоретических и политических ракурсах, изначально такими авторами, как Н. Кареев и Е. Де Роберти, чуть позже – П. Сорокиным, во второй половине XX в. – Б. Грушиным, В. Ядовым, А. Алексеевым, в годы постсоветского развития социологии – Б. Фирсо-

вым, Б. Докторовым, А. Здравомысловым, наконец, А. Филипповым и Б. Гудковым. В последнее время она по-новому рассматривалась представителями более молодого поколения российских социологов М. Соколовым, П. Сорокиным и др. На наш взгляд, современная фрагментация во многом определяет границы развития российской социологии и возможность достижения в ее рамках новых результатов, способных продвинуть российскую социологию на международном уровне.

Фрагментация не является чисто российским феноменом. Эта черта не уникальна ни для России, где траектории социологического развития всегда зависели от социально-политических условий, ни для глобальной социологии. Современный мир только называется глобальным, в реальности не только страны и регионы, но и сообщества внутри каждой страны разделены по многим важным критериям (политическим, теоретическим, этическим и т. п.). Сегодня глобальная социология «настолько сильно диверсифицирована, дезинтегрирована и фрагментирована, что единственной общей чертой профессионального сообщества в современных условиях является общее желание стать каким-либо образом более интересной для общества»¹ [1, р. 6]. Даже одна из лидирующих в мировом мейнстриме социологий, американская, не избежала фрагментации. Как утверждает ее представитель С. Тернер, нынешняя американская социология – это не идеи и программы исследований, как было раньше, а «политически идентифицированная дисциплина, ориентированная на факты» [2, р. 98], что позволяет ей сохранять внутри себя касты, т. е. особые группы внутри социологического сообщества, которые пытаются навязывать свои профессиональные предпочтения и интересы всем

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. Т.

остальным группам [2, р. 100]. Фрагментация не способствует эффективному развитию социологии ни в национальных, ни в глобальных рамках: неслучайно в XXI в. ни одна парадигма или макросоциологическая теория не пользовалась поддержкой большинства в социологическом сообществе; единства нет даже внутри представителей одной и той же метапарадигмы [3; 4].

Где лежат истоки социологической фрагментации в России? Чтобы их найти, надо вспомнить историю. Резкая поляризация внутри интеллигенции XIX в. отличала Россию от ряда других европейских стран, в которых более демократический политический режим оставлял больше возможностей для свободного интеллектуального развития. В России главным камнем преткновения всегда было именно отношение различных «лагерей» социологов к существующей власти и к вопросу о том, каким путем следует развиваться стране. Несмотря на обилие социологических школ в XIX в. (субъективная, марксистская, неокантианская, позитивистская и др.) и их внутреннее противостояние (западники и славянофилы, марксисты и позитивисты), лишь немногие в середине–конце XIX в., когда социология была на этапе становления, проявляли лояльность к царскому режиму. Это объяснялось тем, что не только открытие социологических кафедр и факультетов было запрещено царским правительством, но и публичное упоминание социологии было невозможно. После европейских революций 1848 г. социология числилась в разряде революционных дисциплин [5]. Книги по социологии изымались, многие ученые уезжали за границу, чтобы заниматься профессиональной деятельностью (Е. Де Роберти, М. Ковалевский). Поэтому первыми социологами в учебных заведениях стали преподаватели истории, права, географии, которые в своих лекциях доносили до студентов определенные социологические теории (в основном западноевропейские). Правда, социологические идеи и будущее страны косвенным образом обсуждались (в рамках возможного) общественно-литературными журналами. Можно сказать, что социология и развивалась в те годы прежде всего как публичная сфера деятельности. К концу XIX в. с большими трудностями социология начала пробивать себе путь как академическая дисциплина. Но лишь после первой русской революции в негосударственном Неврологическом институте Санкт-Петербурга появилась первая кафедра социологии. Институционализация дисциплины пришлось на годы Первой мировой войны.

Именно во втором десятилетии XX в. социология стала бурно развиваться и в Петербурге, и в других российских центрах. По понятным причинам политические разногласия между представителями разных направлений после революций 1917 г. усилились, чтобы еще через десятилетие быть во-

все прекращенными почти на 30 лет тоталитарного сталинского правления в СССР.

Возрождение (а по сути, второе рождение) социологии произошло в конце 1950-х гг. и было связано с именами так называемых шестидесятников: В. Ядова, И. Кона, А. Здравомыслова, В. Шубкина, Б. Грушина, Ю. Левады, Г. Осипова и др. В советской социологии тоже были свои западники и консерваторы, сторонники развития социологии как самостоятельной науки (Б. Грушин, Ю. Левада) и те, кто считал социологию эмпирическим приложением исторического материализма и пытался развивать ее именно в этом статусе (М. Руткевич). Во многом по политическим причинам социология так и не была полностью институционализирована в СССР. В постсоветское время споры о статусе социологии в России между разными профессиональными группами возобновились с еще большей ожесточенностью и стали более открытыми. Сначала появилось два профильных института в Москве, по-разному интерпретировавших задачи социологии в новых постсоветских условиях, затем возникли разные профессиональные ассоциации, позиции которых доходили вплоть до противостояния внутри одного города: такая ситуация в Санкт-Петербурге с его тремя разными «социологическими островами» описана М. Соколовым [6]. В последние годы федеральный закон об иностранных агентах, в число которых был включен ряд негосударственных исследовательских социологических организаций, усилил поляризацию и в отношениях с властью, и между социологами разных направлений, по своему трактующих свою миссию в обществе.

Таким образом, социология в России во все периоды своего существования характеризуется непрерывным политическим противостоянием внутри самой дисциплины и весьма противоречивыми (часто конфронтационными) отношениями с властью. Современные российские социологи утверждают, что это связано с тем, что господствующий тип общества, государства и политического режима определяет базисную характеристику ситуации в российской социологии [4, с. 195]. Власть определяет границы, в которых развивается социология, и держит дисциплину под своим контролем, то усиливая, то ослабляя его в зависимости от конкретно-исторических условий.

Анализ проблемы фрагментации вызывает много исследовательских вопросов. В чем суть российской фрагментации сегодня? Если она неизбежна, то является ли корректным утверждение, что, чем больше в России самых разных социологов, тем лучше, так как на современном социологическом рынке нужны и теоретики, и прикладники, а в политизированном российском обществе неизбежно востребованы и социологи-либералы, и социологи-консерваторы? Все ли они находят свою нишу для деятельности? Что нового и специфического

вносит каждый сегмент социологического сообщества в процесс производства знания о современном российском обществе? Насколько продукты их профессионального труда могут способствовать пониманию этого общества извне, т. е. дают ли они достаточно информации о России для зарубежного читателя? Имеют ли они ценность для властных структур, так или иначе использующих социологические данные при принятии управленческих решений? Насколько получаемое разными сегментами социологического сообщества знание повышает социальный статус социологов и престиж науки в собственном обществе?

Необходимо прояснить, какие сегменты можно выделить в нынешнем социологическом сообществе. Если следовать известной схеме М. Буравого [7], это четыре сегмента: прежде всего академические, т. е. профессиональные, социологи; социологи, занятые эмпирическими исследованиями, а также работающие по самым разным заказам; критические социологи, рефлексирющие по поводу не только общества, но и самой научной дисциплины; публичные социологи (называемые еще активистами). Однако это чистые типы, в реальной российской социологии выделяются несколько иные группы.

Среди огромного многообразия «предложений» на российском рынке социологии можно отыскать всего несколько десятков теоретиков, занятых преподаванием или исследовательской деятельностью и работающих в университетах и академических институтах (как правило, в крупных центрах России, причем львиная доля их приходится на Москву). Эти авторы широко известны своими трудами отечественным социологам, а некоторые и зарубежным. Правда, как показывают наукометрические исследования, список тех, кто известен в России, практически не совпадает с перечнем тех, кто публикуется за рубежом, но и те и другие по крайней мере знают друг друга [8]. Именно среди этих наиболее продвинутых на международной и/или отечественной арене социологов идут самые ожесточенные баталии – не всегда видимые извне, далеко не всегда громкие, но от этого не менее непримиримые, судя по статьям Б. Гудкова [9], Е. Здравомысловой и В. Воронкова [10], дискуссии Ж. Тощенко и В. Вахштайна [11; 12]. Они по-разному объясняют прошлое и настоящее российского общества, причины конкретных социальных проблем и пути их решения, по-разному оценивают достигнутый уровень российской социологии. Даже тематика их исследований различна: теоретики-либералы акцентируют внимание на развитии демократии и гражданского общества в России, государственники – на социальном неравенстве, структуре общества, бедности, других острых актуальных проблемах (в последние годы сюда добавились миграция, международный тер-

ризм, интернет). Этот научный сегмент российских социологов, как утверждал В. Ядов, мог бы повысить престиж российской социологии, если бы попытался внести вклад в создание новаторских макросоциологических теорий на международной арене [13, с. 128]. Такие попытки были [14; 15], но мирового признания не получили.

На крупных социологических форумах, упомянутых в начале статьи, представители данной группы были заметны более других участников, поскольку выступали на пленарных заседаниях (хотя научные дискуссии по поводу их докладов ввиду нехватки времени часто проходили уже в кулуарах, а не на трибунах). Так, пленарные выступления директора Института социологии Российской академии наук М. Горшкова на конференции и особенно на съезде РОС раскрывали многие социальные проблемы российского общества, исследуемые сотрудниками института в режиме мониторинга [16]. Последнее дало возможность М. Горшкову представить проблемы в динамике, в сравнительном ракурсе на основе динамических данных за много лет, т. е. описать, как изменяется самочувствие россиян, их удовлетворенность уровнем жизни, ходом политических изменений в современном контексте. Однако концептуально (в рамках определенной парадигмы развития российского общества) эти обширные данные пока не были рассмотрены. В подходе проявляется так называемая проблемная ориентация российской социологии: анализ острой социальной проблемы в темпоральной динамике с акцентом на ее морально-этическую оценку, а не в рамках теоретической парадигмы.

Исследование актуальных социальных проблем официально провозглашалось главной задачей социологии в советские времена, второй ее задачей считалось целенаправленное воздействие на общество, т. е. включенность данных в управленческие отношения [17, с. 43]. Очевидно, что эти задачи представляются многим российским социологам адекватными и поныне. Сущностный анализ причин тех или иных явлений, мотивация людей оказываются вне их поля зрения, поскольку для управленческих решений это знание не требуется [18]. В какой-то мере в данном подходе проявляется характерная черта постсоветской социологии, выявленная еще в 1990-е гг., – обилие массовых опросов без их глубокого осмысления. Превалируют конструируемые из опросных данных эмпирические модели: фиксируется динамика бедности и неравенства, отмечается изменение соотношения основных социальных страт, измеряется уровень доверия институтам, но не ставится вопрос о том, можно ли эти проблемы решить или смягчить, следуя нынешним принципам социальной политики. Подобная ситуация сложилась и с другими известными неакадемическими исследовательскими институтами – Всероссийским центром

изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центром, – которые создают богатейшие базы данных, остающиеся не востребованными теоретиками. Последние не всегда участвуют в массовых социологических форумах, предпочитая выступать на своих конференциях по более конкретной профессиональной тематике. В этом также проявляется фрагментация российской социологии: группирование вокруг частных проблем и обсуждение их в коллективах, где собираются единомышленники, работающие в одной области исследований (например, ежегодные Грушинские чтения, организуемые ВЦИОМ).

Разумеется, среди российских теоретиков есть и те, кто рассматривает процессы и явления в социуме в соответствии с принципами избранной ими парадигмы: можно напомнить теорию общества риска О. Яницкого или теорию российской модернизации, разработанную Н. Лапиным. Оба подхода позволяют концептуально, вписывая национальную специфику в универсальные схемы, объяснить происходящие процессы и дать практические рекомендации для социальной политики. Однако по ряду причин эти теоретики уже не выступают на крупных общероссийских и международных конференциях, хотя и регулярно публикуются в российских изданиях [19; 20].

Иногда масштабные конференции организуются вокруг знаковых фигур в российской социологии (из той когорты, которая обозначена как наиболее известная). Так, начиная с середины 1990-х гг. по инициативе Т. Заславской и Т. Шанина стали регулярно проводиться международные симпозиумы, где обсуждались пути развития России в широком историческом и междисциплинарном контексте. Тематика симпозиума была изначально сформулирована с прицелом на масштабность и новизну: «Куда идет Россия?». Она сразу привлекла к себе внимание ученых многих стран. Издаваемые по итогам каждого симпозиума сборники пользуются популярностью у социологов, принадлежащих к разным сегментам: к либералам и умеренным, работающим в государственных и негосударственных учреждениях, молодым и зрелым, российским и зарубежным. В нынешнем году очередной, 24-й, международный симпозиум был посвящен анализу столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. Возможно, усилиями и этого, и многих других научных мероприятий, посвященных революции, российским ученым удастся наконец концептуализировать этот выдающийся исторический феномен и предложить убедительную интерпретацию и революции, и причин распада советской цивилизации как воплощения одного из вариантов модерна. По крайней мере, задача по осмыслению причин и следствий возникновения и падения советской империи представляется зарубежным социологам как первоочередная именно для российских ученых

[21; 22]. Однако до настоящего времени данная задача не решена: российская социология «не смогла помочь нашему обществу <...> ответить на исторический вызов кризиса советской модели» [23, с. 73].

Сегмент эмпирической социологии представлен в России тысячами исследователей, занятых повседневным рутинным научным трудом и, как правило, не принимающих участия в политических спорах, равно как и теоретических дебатах наподобие тех, что велись около 20 лет назад вокруг заявления А. Филиппова о том, что в России вообще нет теоретической социологии [24]. Именно эти социологи составляют основную базу рядовых членов РОС – самой многочисленной из российских профессиональных организаций социологов, пользующейся признанием на родине и являющейся коллективным членом Международной социологической ассоциации. Насчитывая около 4,5 тыс. членов, РОС объединяет и эмпириков, и теоретиков, работающих в научных институтах, университетах, и даже тех, кто является социологом формально. Большинство рядовых социологов заняты повседневным профессиональным трудом и потому не особо интересуются проблемами парадигмального уровня: их деятельность касается обеспечения научного либо образовательного процесса. Этому способствует плюрализация социологического знания: разнообразные современные теории и школы сосуществуют друг с другом, внося свою лепту в многообразие социологии. На указанных социологических форумах в поле интереса данного сегмента были такие проблемы: социальное неравенство в образовании (Ю. Вишневский, Л. Беляева, Г. Ключарев), труде (В. Бочаров), семье (А. Антонов, Т. Гурко), медицине и здоровье (И. Журавлева), экологии (И. Сосунова), профессиональной сфере (В. Мансуров), неравенство между городскими и сельскими поселениями (Е. Заборова), этническими группами (Ф. Файзуллин, Л. Дробижева), социокультурное неравенство (Н. Розов, Ю. Волков), общественное мнение о социальном неравенстве (А. Андрееенкова, С. Зырянов), прекариат (Г. Еремичева), волонтерство (М. Певная, Е. Воронова), человеческий и трудовой потенциал (Г. Гриценко, Ю. Пасовец, Р. Валиахметов), патриотизм (Н. Дулина, И. Халий), конфликт (Л. Цой) и др. Этот сегмент обеспечивает приращение прежде всего практического социологического знания и тем самым существенно обогащает и обновляет образ современного российского общества, однако, как правило, это знания «для внутреннего пользования». Если они и озвучиваются на международных форумах, то вне широкого российского контекста представляют ограниченный интерес, без которого невозможно международное продвижение российской социологии.

На конференции Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского в отличие от съезда РОС в центре внимания были вопросы реф-

лекции по поводу развития социологии: мировая и отечественная классика, современные теории, а также возможности и ограничения социологии в решении социальных проблем, гендер, интернет, молодежь. Слишком широкий тематический охват проблематики приводил к нестыковке докладов по уровню анализа проблем, подходов, что создавало впечатление мозаичности исследований, проводимых в российской социологии, иногда даже к непониманию друг друга и тем самым не способствовало общему обсуждению главных проблем ее развития, усиливая эффект фрагментарности. Тем не менее были переосмыслены проблемы развития социологии в России (оценка ее отдельных этапов), подчеркивался приоритет социологов царской России в постановке ряда важных вопросов, включая публичность как миссию социологии, полипарадигмальность, влияние на российскую социологию современной западноевропейской социологии. На прикладном уровне много внимания уделялось как исследованию традиционных проблем, так и изучению новых, в частности достоверности данных электоральных опросов, возможностей наукометрического анализа в социологии.

Многочисленные группы представителей постакадемической социологии, т. е. тех, кто непосредственно занят получением практических, прикладных знаний в рыночной сфере (проводит маркетинговые, электоральные исследования, опросы общественного мнения), работает по заказам региональных и локальных властных структур, вообще не интересуются теоретическими проблемами и не участвуют в политических спорах. Это так называемая сервильная социология, полностью зависящая от заказчиков, а потому бесправная и безголосая. Как правило, эти социологи и на всероссийские научные конференции не собираются: у них свой круг общения. И в этом также проявляется фрагментация социологического рынка. Можно выделить следующие группы социологического сообщества:

- малые сегменты теоретиков;
- многолюдные академические и образовательные круги, еще не оторванные от горячих споров «верхнего эшелона» социологии, но уже не участвующие в них активно;
- еще более многочисленные эмпирики;
- постакадемические социологи, занятые прикладными исследованиями на любые темы и ориентированные на социальные технологии или узкие прагматические интересы [23, с. 74].

Между этими группами мало общего, хотя все их представители называют себя социологами. Часть социологов, принадлежащих прежде всего к первым двум сегментам, активно включена в жизнь гражданского общества, что позволяет им проявлять свою гражданскую позицию и выступать экспертами в ряде практических противоречий

социальной жизни (например, включаться в отстаивание гражданского статуса Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, Химкинского леса под Москвой, выступать против закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге и т. п.). Именно в таком ключе публичная миссия социолога переосмыслена в современной российской социологии: социолог – эксперт проблемы и активный гражданин [25]. Подобная общественная активность всегда выделяла российских социологов от М. Ковалевского до В. Ядова, активно выступавшего в начале нынешнего века в поддержку прав студентов социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, гражданских инициатив и т. п.

Что касается социологической фрагментации по регионам, к чести России, этого не происходит: разломы социологии по этим линиям неочевидны. Все регионы представлены в РОС, присутствуют на любых крупных конференциях и т. п. И все же фрагментация была и остается важной чертой, «родимым пятном» социологии в России.

На примере проблем социологии образования, активно обсуждавшихся на указанных форумах, покажем, как фрагментация отражается в представленности тех или иных идей на социологическом рынке.

Социологи всех указанных направлений констатируют резкое падение мотивации молодежи на получение высшего образования и отмечают, что студенты прагматично ориентированы не на знания, а на диплом, т. е. рассматривают университет как обычный вид сервиса, который можно купить как любую другую услугу на рынке. Эмпирические подтверждения этой тенденции констатировали и социологи из российских национальных университетов (Н. Покровский, Н. Осипова, Н. Скворцов) и регионов (этому был посвящен пленарный доклад Г. Зборовского на съезде РОС, ученый представил данный процесс как типичный для рынка в России).

Были радикальные предложения разделить всю систему образования на массовое и элитарное: первое должно быть на платной основе и доступно всем, поскольку вузовский диплом в скором времени при развитии экономики якобы будет необходим любому молодому человеку при трудоустройстве, как сегодня необходим сертификат о получении среднего образования. Элитарное же образование должно быть доступно только для тех, кто показал отличные результаты в школе и имеет мотивацию на получение качественного образования. Иными словами, выпускник элитарного вуза будет обладать высоким инновационным потенциалом, который позволит ему в любой сфере деятельности проявить себя творческим, инициативным специалистом. Это будущая элита профессионалов. Учеба для таких студентов должна быть бесплатной.

Только подобным способом можно противостоять массовизации и коммерциализации образования, снижающим качество образования.

Однако большинство социологов поддержало идею социального равенства в образовании и ратовало за улучшение государственного финансирования всей системы высшего образования. Этот эгалитарный подход реализуется в нынешних российских условиях таким образом, что при снижении уровня финансирования вузов и их открытости для всех, кто может заплатить за учебу, неминуемо падает качество обучения. Многие вузы закрываются, так как при падении спроса рынка на некоторые специальности учебные заведения становятся экономически неэффективными. Однозначного выхода из данной критической ситуации не могут предложить ни теоретики, ни прикладники. Тем более трудно ожидать при этом важных достижений в сфере социологии образования.

На Санкт-Петербургском международном форуме труда, прошедшем в начале 2017 г., дискуссия об образовании продолжилась, ведь образование – база для подготовки квалифицированных специалистов. Российские социологи вновь и вновь возвращались к старым и новым проблемам в сфере образования: качественного обучения студентов в условиях увеличения педагогической нагрузки, мотивации их на трудоустройство по полученной профессии за пределами крупных городов, убеждения студентов в необходимости получения не только прикладных, но и фундаментальных знаний, проведения реформ образования (Г. Меншикова, Н. Пруель, Е. Доброхотова, Н. Авдошина). Вновь единодушно было отмечено, что современные преподаватели не могут ожидать от студентов высоких результатов. Студенты же в большинстве своем хотят получать только знания, которые сразу будут востребованы в прикладной сфере деятельности, тогда как в перспективе перехода экономики России на уровень четвертой промышленной революции субъектам труда, включая и социологов, и представителей других специальностей, будут нужны всесторонние теоретические знания (Р. Карапетян).

На этом фоне многие социологи считают актуальной проблемой, потенциально ведущей к потере значительного числа научных кадров, ужесточение требований Министерства образования и науки Российской Федерации к уровню публикационной активности преподавательского состава. Такие новшества могут увеличить социальное неравенство между вузами и внутри них, т. е. косвенно стимулировать фрагментацию по критерию учреждения образования (национального, федерального, регионального). В ряде ведущих российских вузов уже озвучены новые требования к проходящим по конкурсу доцентам и профессорам, направленные на рост рейтинговых показателей, но не учитывающие высокой загруженности

российских преподавателей и их ограниченных возможностей проводить масштабные научные исследования, конкурировать за получение международных грантов и т. п. Отметим, однако, что в кулуарных беседах представители престижных национальных вузов поддерживали дифференциацию в оплате труда преподавателей, которая, по их мнению, должна поднять уровень российского образования.

Очевидно, что современный прагматичный мир, ориентированный на коммерческий успех и маркетинговую всех сфер деятельности, уже превратил высшую школу (и академию) в социальный институт, накрепко связанный как с институтом экономики, так и политики. Если экономика не требует большого числа специалистов, их подготовка в университетах неминуемо сокращается, тем более в условиях уменьшения финансирования высшего образования в целом. Сегодня это справедливо и по отношению к подготовке социологов: спрос на них падает во всем мире. Даже в американской социологии, где эта дисциплина на уровне бакалавриата широко преподается в вузах, преподаватели сетуют на снижение числа студентов, желающих специализироваться по социологии. Современная жизнь заставляет социологов искать новые подходы к решению проблем. В качестве выхода из ситуации снижения интереса абитуриентов к социологии предлагается обеспечить междисциплинарность студенческой подготовки, т. е. ввести «сдвоенные» специализации. В ряде американских вузов уже практикуется выпуск, например, социолога-криминолога, социолога-психолога, социолога-антрополога: такие специализации дают выпускникам больше вариативности в поисках работы [26]. Несмотря на многие принципиальные различия в системе образования, такой подход к дальнейшему развитию социологического образования может быть интересен и России. Он позволит избежать закрытия социологических кафедр и факультетов, а также расширить потенциальный рынок для трудоустройства выпускников первой ступени послешкольного образования. Недаром в США такой подход практикуют и престижные, и рядовые вузы. Именно новые подходы к социологическим исследованиям и преподаванию данной дисциплины дают ей шанс развиваться. Можно напомнить, что П. Штомпка давно указывал на то, что в развитии социологического образования необходим акцент на «межтеоретические и междисциплинарные связи» [27, с. 71].

Разнообразие в социологическом поле, связанное с его фрагментарностью, в идеале должно способствовать росту новизны и оригинальности применяемых теорий и методик исследования, инновационности методов анализа, а также открытию новых тем и проблем в изучении российского общества. В определенной мере так и есть: каждый

сегмент российского социологического рынка идей разрабатывает свою «делянку», находит в ней оригинальные моменты: теоретики конструируют новые концепции, опирающиеся на своеобразие российского опыта (например, теория матриц С. Кирдиной, теория колеи Н. Розова) или совпадающие с универсальными тенденциями в развитии социологии (теория человека играющего С. Кравченко, социология жизни Ж. Тощенко), эмпирики вводят новые методы сбора и анализа данных или их комбинирования, новые показатели замеров процессов и явлений. Каждый сегмент разрабатывает темы и использует методы, интересные для него. Так, социологи, работающие по грантам, специализируются на новых качественных методиках, делают акцент на междисциплинарности, обращаются к изучению групп, которые ранее не были в фокусе исследования (теневой рынок precarious труда, историческая память о репрессиях и периоде застоя, городской активизм), широко обсуждают последствия для социологии закона об иностранных агентах, академические социологи по-прежнему ориентируются на выявление закономерностей развития больших социальных групп (бедные, средние слои) и т. д. Однако ввиду неразвитости научных коммуника-

ций между сегментами социологического сообщества научные достижения друг друга остаются незамеченными или непризнанными, а выход на международный уровень осуществляется, как правило, либо в соавторстве с западными коллегами (Е. Омельченко), либо при разработке актуальных для социологического мейнстрима тем (В. Волков, А. Темкина), либо при условии отличного владения иностранными языками (П. Сорокин), либо при хотя бы временном трудоустройстве на Западе (В. Гельман).

В принципе, последний способ – давняя российская традиция: М. Ковалевский и Е. Де Роберти подолгу жили и работали во Франции, П. Сорокин прославился именно в эмиграции, Г. Гурвич стал классиком социологии, переселившись во Францию. Эмиграция способствовала тому, что они внесли значительный вклад в развитие социологии стран, где работали, и опосредованно – в развитие мировой социологии. Вопрос о том, каким образом российские социологи, живущие в России, могут внести весомый научный вклад в процесс производства социального познания, не покидая родину, остается открытым. Фрагментация является лишь контекстом творчества социологов, но не детерминантой результатов их труда.

Библиографические ссылки

1. Sorokin P. Vision and mission of sociology: learning from the Russian historical experience // *Am. Sociol.* 2017. Vol. 48, issue 2. DOI: 10.1007/s12108-016-9303-3.
2. Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. N. Y., 2014.
3. Sztompka P. One Sociology or Many? // S. Patel (ed.). *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London, 2010. P. 21–28.
4. Зборовский Г. Е. Отечественная социология на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
5. Голосенко И. А. Евгений Де Роберти: интеллектуальный профиль // *Социол. исслед.* 2001. № 2. С. 99–107.
6. Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // *Социол. исслед.* 2012. Vol. 6. С. 76–82.
7. Burawoy M. For public sociology // *Am. Sociol. Rev.* 2005. Vol. 70, issue 1. P. 4–28.
8. Соколов М. М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (социометрический анализ) // *Социол. исслед.* 2009. № 1. С. 144–152.
9. Гудков Л. А. О положении социальных наук в России [Электронный ресурс] // Новое литератур. обозр. 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/gu23.html> (дата обращения: 16.10.2012).
10. Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging political sociology in Russia and Russian transformation // *Curr. Sociol.* 1996. Vol. 44. No. 3. P. 40–52.
11. Romanovsky N. V., Toshchenko Zh. T. On the real state of sociology in Russia: opposing Vakhshayn 's polemics [Electronic resource] // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 5. URL: <http://isa-global-dialogue.net/on-the-real-state-of-sociology-in-russia-opposing-vakhshayn%E2%80%99s-polemics/> (date of access: 16.10.2012).
12. Vakhshayn V. On the lamentable state of post-Soviet sociology [Electronic resource] // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 3. URL: <http://isa-global-dialogue.net/the-lamentable-state-of-post-soviet-sociology/> (date of access: 15.08.2012).
13. Ядов В. А. По поводу статьи А. И. Малинкина // *Социол. исслед.* 2006. № 8. С. 126–129.
14. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб., 2008.
15. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // *Социол. исслед.* 2013. № 4. С. 13–23.
16. Горшков М. К. О национальной самобытности российской социологии // Российское социологическое общество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского) : материалы междунар. науч. конф. (СПб., 10–12 нояб. 2016 г.). СПб., 2016.
17. Осипов Г. В. Основные черты и особенности марксистской социологии // Г. В. Осипов. *Социология в СССР*. М., 1965.
18. Филиппов А. Ф. Советская социология как полицейская наука [Электронный ресурс] // Новое литератур. обозр. 2013. № 5 (123). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973#sthash.mBXvAyJs.ohQPq7uC.dpuf> (дата обращения: 03.10.2016).
19. Yanitsky O. Principles of complex environmental analysis // V. Mansurov (ed.). *The futures we want. Global sociology and the struggle for a better world*. Moscow, 2016. P. 196–208.
20. Лапин Н. И. Развилки процессов модернизации и взаимопонимания в российском обществе (обсуждение проекта) // *Социол. исслед.* 2017. № 1. С. 137–147.

21. Терборн Й. Социология: профессия и призвание / Беседовала Л. Г. Титаренко // Журн. социологии и социал. антропологии. 2013. Т. XVI. № 1 (66). С. 5–19.
22. Arnason J. Civilizations in dispute: historical questions and theoretical traditions. Leiden ; Boston, 2003.
23. Локосов В. В. Российская социология в контексте академической и постакадемической науки // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского) : материалы междунар. науч. конф. (СПб., 10–12 нояб. 2016 г.). СПб., 2016. С. 72–76.
24. Filippov A. F. A final look back at Soviet sociology // Int. Sociol. 1993. Vol. 8, issue 3. P. 355–373.
25. Подвойский Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 13–23.
26. Sweet S. Mauksch Address: how departments can respond to the changing popularity of the sociology major // Teach. Sociol. 2016. Vol. 44, issue 1. P. 3–16.
27. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 64–72.

References

1. Sorokin P. Vision and mission of sociology: learning from the Russian historical experience. *Am. Sociol.* 2017. Vol. 48, issue 2. DOI: 10.1007/s12108-016-9303-3.
2. Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. N. Y., 2014.
3. Sztompka P. One Sociology or Many? In: S. Patel (ed.). *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London, 2010. P. 21–28.
4. Zborovskii G. E. [National sociology on its way to civil society]. Ekaterinburg, 2014 (in Russ.).
5. Golosenko I. A. [Yevgeny De Roberti: intellectual profile]. *Sotsiologicheskie issled.* 2001. No. 2. P. 99–107 (in Russ.).
6. Sokolov M. M. [Learning the local academic community]. *Sotsiologicheskie issled.* 2012. No. 6. P. 76–82 (in Russ.).
7. Burawoy M. For public sociology. *Am. Sociol. Rev.* 2005. No. 70, issue 1. P. 4–28.
8. Sokolov M. M. [Russian sociology on the international and national market of ideas (sociometric analysis)]. *Sotsiologicheskie issled.* 2009. No. 1. P. 144–152 (in Russ.).
9. Gudkov L. [About the situation of the social sciences in Russia]. *Nov. lit. obozr.* 2006. No. 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/gu23.html> (date of access: 16.10.2012) (in Russ.).
10. Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging political sociology in Russia and Russian transformation. *Curr. Sociol.* 1996. Vol. 44, No. 3. P. 40–52.
11. Romanovsky N. V., Toshchenko Zh. T. On the real state of sociology in Russia: opposing Vakhshayn's polemics. *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 5. URL: <http://isa-global-dialogue.net/on-the-real-state-of-sociology-in-russia-opposing-vakhshayn%E2%80%99s-polemics/> (date of access: 16.10.2012).
12. Vakhshayn V. On the lamentable state of post-Soviet Sociology. *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 3. URL: <http://isa-global-dialogue.net/the-lamentable-state-of-post-soviet-sociology/> (date of access: 15.08.2012).
13. Yadov V. A. [Regarding the article of A. I. Malinkin]. *Sotsiologicheskie issled.* 2006. No. 8. P. 126–129 (in Russ.).
14. Ivanov D. V. [Glam-capitalism]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
15. Pokrovskii N. E., Nefedova T. G. «Cellular globalization» and tendencies in rural communities of Russia's Near-North. *Sotsiologicheskie issled.* 2013. No. 4. P. 13–23 (in Russ.).
16. Gorshkov M. K. [About national identity of Russian sociology]. In: [Russian sociological community: history, the present, the place in world science] : materials of the int. sci. conf. (Saint Petersburg, 10–12 Novemb., 2016). Saint Petersburg, 2016. P. 38–44 (in Russ.).
17. Osipov G. V. [Main features and peculiarities of Marxist sociology]. In: G. V. Osipov. [Sociology in the USSR] : in 2 vol. Moscow, 1966. Vol. 1 (in Russ.).
18. Filippov A. F. [Soviet sociology as a police science]. *Nov. lit. obozr.* 2013. No. 153 (2). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973> (date of access: 03.10.2016) (in Russ.).
19. Yanitsky O. Principles of complex environmental analysis. In: V. Mansurov (ed.). *The Futures we want. Global sociology and the struggle for a better world*. Moscow, 2016. P. 196–208.
20. Lapin N. I. Bifurcations of modernization process and mutual understanding in Russian society (discussion a project). *Sotsiologicheskie issled.* 2017. No. 1. P. 137–147 (in Russ.).
21. Therborn G. [Sociology: profession and Vocation. Interview with Professor Göran Therborn]. *Soc. Anthropol.* 2013. Vol. XVI, No. 1 (66). P. 5–19 (in Russ.).
22. Arnason J. Civilizations in dispute: historical questions and theoretical traditions. Leiden ; Boston, 2003.
23. Lokosov V. V. [Russian sociology in the context of academic and post-academic science]. In: [Russian sociological community: history, the present, the place in world science] : materials of the int. sci. conf. (Saint Petersburg, 10–12 Novemb., 2016). Saint Petersburg, 2016. P. 72–76 (in Russ.).
24. Filippov A. F. A final look back at Soviet sociology. *Int. Soc.* 1993. Vol. 8, issue 3. P. 355–373.
25. Podvoisky D. G. [Public sociology in the past and present. Refinement of the coordinates]. *Sotsiologicheskie issled.* 2009. No. 5. P. 13–23 (in Russ.).
26. Sweet S. Mauksch address: how departments can respond to the changing popularity of the sociology major. *Teach. Sociol.* 2016. Vol. 44, issue 1. P. 3–16.
27. Sztompka P. Shaping sociological imagination. The importance of theory. *Sotsiologicheskie issled.* 2005. No. 10. P. 64–72 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.